

Мелодия цитры из плавной и напевной превратилась в неистовую. Тун Яньчжи покачивался в такт музыке:

— Впрочем, ваш господин не беспокоится об этом брате. Как продвигаются дела с тем, что волнует его больше всего?

Сун Ци поспешно ответил:

— От брата пришли вести: удалось напасть на след некоторых мятежников, но обстановка пока неясна, и он не решается действовать опрометчиво.

Что за непутевый малый, ну почему он такой непонятливый?

Тун Яньчжи перестал играть и цокнул языком:

— Тьфу, я же про того, из дома Ду говорил.

Сун Ци наконец сообразил, о ком речь:

— Ду Чуаньбо привез из-за Цзянбэя ребенка по имени Сяо Доуцзы. Мальчик называет господина Ду дядей, он сын его названной сестры. Когда Сяо Доуцзы во время дневного сна начал плакать и капризничать, госпожа Су тоже забеспокоилась и вернулась в поместье. Похоже, господину Ду нездоровилось, а ребенок испугался. В особняке Ду они пробыли всего ночь, а на следующий день их отправили в павильон Тэнцин.

Янь Хэн спросил:

— Известно, что именно у него болело?

Сун Ци почтительно склонил голову:

— Простите за мою никчемность, господин, подробностей выяснить не удалось.

Янь Хэн приказал не приближаться к Ду Ванью слишком близко, чтобы не выдать себя, поэтому в тот день Сун Ци смог разглядеть лишь общую картину.

— И еще... — Сун Ци замялся, боясь, что следующие слова вызовут гнев хозяина. — В Цзянбэе не удалось найти никаких зацепок.

Сун Ци был готов разрыдаться: в следующем месяце ему точно придется самому нести еду в темницу.

Янь Хэн сохранял спокойствие, по его лицу невозможно было прочесть, доволен он или разгневан. Он поднял руку, приказывая продолжать.

— В Цзянбэе сообщили, что мать господина Ду умерла при родах, а отец от горя принял яд, — доложил Сун Ци. — Господин Ду с детства был слаб здоровьем, и гадатель сказал, что он

сможет выжить, только если возьмет фамилию матери. Он вырос в Цзянбэе, три года назад тяжело заболел и год провел на лечении в других краях, а последние два года лишь изредка выходил из дома. Три месяца назад отправился в странствие. Соседи и слуги в усадьбе Ду подтверждают это. Что касается госпожи Су, она из мира цзянху, ученица знаменитого целителя Ляо Цяньшаня, известная в своих кругах как малый божественный лекарь.

Тун Яньчжи, копируя позу Янь Хэна, подпер голову рукой. Его узкие глаза-фениксы прищурились, воротник халата был слегка распахнут, и сам он выглядел ленивым, как лис:

— Тц-тц-тц, ну и крепость этот дом Ду. Погляди на своего хозяина: с тех пор как увидел господина Ду, ходит как потерянный, из лагеря носа не кажет. А как он здесь появляется, все братья сразу становятся такими тихими, ни один не осмелится составить мне компанию!

Сун Ци был согласен с его словами, но не осмелился подтвердить это вслух.

Янь Хэн холодно бросил:

— Если скучно, убирайся вон. В Тайчжоу как раз нужно уладить одно дело, ты для этого подходишь.

Тун Яньчжи лениво покрутил шеей:

— Ты же не можешь быть уверен, что он тот самый Пинъань, только из-за татуировки на руке? Столько лет искали — и ни слуху ни духу, а тут вдруг появился. Не боишься, что это ловушка?

Янь Хэн поднял взгляд, в его глубоких глазах мелькнул острый блеск:

— Если на то пошло, это мудрость и проницательность второго господина позволили ему не удержать братьев, которые спустились с гор и приволокли мне человека прямо под нос.

Тун Яньчжи благоразумно замолчал. Янь Хэн обратился к Сун Ци:

— Пусть люди в Цзянбэе продолжают внимательно следить. Если время идет, рано или поздно что-то да всплывет.

Чем меньше удавалось узнать, тем подозрительнее все это выглядело.

Сун Ци ответил согласием и исчез, словно призрак.

Тун Яньчжи покачал головой, не одобряя его упрямства:

— Это же цзянбэйский дом Ду. У них и связи в цзянху, и богатство, какого поискать во всей империи. Разве легко их выследить?

В те годы он с огромным трудом вытащил Янь Хэна из Юйчжоу. Янь Хэн был тяжело ранен и пролежал без сознания больше месяца, не раз балансируя на грани жизни и смерти. Но стоило ему прийти в себя, как он тут же спросил, где тот ребенок. Если Тун Яньчжи не отвечал, Янь Хэн отказывался принимать лекарства. Пришлось солгать, что дом сгорел дотла, а ребенок

погиб в огне. Янь Хэн не верил, пока Тун Яньчжи не отдал ему нефритовый кулон, найденный в пепле — только тогда он смирился.

И все же столько лет прошло, а Янь Хэн не сдаётся. Особенно после той встречи с Ду Ванью — он вдруг решил, что это и есть тот самый ребенок, и даже задействовал тайную стражу.

Ду Ванью приехал в Ванцзин всего несколько дней назад и тут же взялся за полуразвалившийся дворик, а женщина рядом с ним, говорят, недавно открыла лечебницу. Человек, способный убить одним взглядом, вдруг стал спасать жизни — все это казалось невероятно странным. От этих мыслей у Тун Яньчжи кругом шла голова.

— И почему ты никак не хочешь смириться? — вздохнул он.

Янь Хэн раскрыл книгу, но мысли его были далеко:

— Я просто хочу проверить. Если тот ребенок выжил, он должен быть сейчас именно такого возраста.

Тун Яньчжи широко раскрыл глаза:

— Как это возможно! Я знаю, что тебя гложет вина, но разве могут мертвые воскреснуть?

Янь Хэн сжал губы:

— Лотос на его запястье я нарисовал собственной рукой. В этом мире не может быть двух одинаковых меток.

— Ты видел его мельком, толком не разглядел, вот и ошибся, — Тун Яньчжи осекся, посмотрел на Янь Хэна с недоверием и воскликнул: — Ты пошел выпрашивать противоядие только ради того, чтобы взглянуть на него еще раз? Ты совсем лишился рассудка! А если бы тебя узнали?

Тогда он еще удивлялся, зачем Янь Хэну понадобилось снова тащиться в особняк Ду, а оказывается, он пошел туда намеренно.

Янь Хэн швырнул в него книгу:

— Шумный ты. Сегодня же отправляйся в Тайчжоу.

Что еще говорил Тун Яньчжи, Янь Хэн не слушал. Наверняка опять ворчал. Пинъань в детстве тоже вечно любил ворчать на него.

Пинъань.

— Эй, ну ты можешь хоть немного постараться? Дрова наколоть не в силах! — командовал он мальчику, который был на голову выше него.

Мальчик, красивый и утонченный, словно безупречный нефрит, стоял в простой грубой одежде. Он ударил топором десятков раз, но так и не смог разрубить полено толщиной в руку.

Он потер переносицу, жалея, что когда-то подобрал этого красавца. Своего пропитания едва хватало, а с этим нахлебником стало еще труднее.

— Отойди, отойди! Если так дело пойдет, мы сегодня с голоду помрем. — Он выхватил топор, плюнул на ладони и с размаху разрубил дерево на части. Связал дрова в охапки и бросил к ногам мальчика.

Мальчик был погружен в свои мысли, и от резкого звука вздрогнул. Его лицо помрачнело:

— Пугать людей днем — к тому, что ночью придут злые духи и потребуют твою душу.

Он скривился. У этого изнеженного господина вечно какие-то странные замашки.

— Тащи это на рынок, будем менять на деньги, — скомандовал он.

Мальчик, еще не остывший от обиды, упрямо вскинул подбородок:

— Не понесу.

— Не понесешь — вечером останешься без еды, — отрезал он. Уморишься ты с голоду, гордец несчастный.

Мальчик не поддался на угрозы. Посмотрел на охапки дров и с презрением бросил:

— Тогда буду голодать. Господину достаточно и воды, чтобы насытиться.

Он чуть не задохнулся от ярости. Ну что за наказание! Ничего не умеет, работать не хочет, грубую одежду презирает, готовить не может, а ест за троих.

Мальчик тоже кипел от негодования. Все из-за Тун Яньчжи! Прошел уже месяц, а он так и не нашел его, хотя он оставил столько знаков. Приходится терпеть холод и голод, выполнять грязную работу, скрывать свое имя и даже боевые искусства, притворяясь слабым. Ночью спать на жесткой доске, в то время как этот наглец спит без задних ног... По сравнению с прежней жизнью нынешнее положение было просто невыносимым.

К полудню он решил не спорить с ним и сам отнес дрова на рынок.

Как только он ушел, мальчик пожалел о своем поведении. Если вдуматься, тот был к нему

добр. Если бы не спас тогда, он бы уже давно стал грудой костей. Когда он лежал, закован в холод, именно этот человек шаг за шагом возвращал ему тепло.

Весь этот месяц он хоть и заставлял его работать, но давал лишь легкие поручения. А он сам, привыкший к роскоши, вечно важничал и боялся выдать себя.

— В конце концов, попрошу прощения, когда вернется, — подумал мальчик. Это будет его первое извинение, пусть лучше примет его по-хорошему.

Но до самого вечера тот, у кого нужно было просить прощения, не появился. Мальчик покрутил в голове разные мысли и все же вышел на поиски.

Улицы Юйчжоу были ему совсем не знакомы, он бродил наугад и чуть было не заблудился. Хорошо, что заранее пометил дорогу. Проходя мимо ресторана, где ярко горели фонари и доносился аппетитный запах еды, он почувствовал, как в животе заурчало.

Мальчик стиснул зубы, подавляя голод, и вдруг увидел в углу у входа маленькую сгорбленную фигурку. Тот дрожал от холода, редкие желтоватые волосы прилипли к щекам, и весь он напоминал замерзший росток сои.

Мальчик хотел подойти и отчитать его за то, что поздно вернулся и заставил волноваться, но тут к нему подошел какой-то слуга и бросил ему что-то в руки.

Он едва успел поймать сверток, и, не обращая внимания на ругань слуги, с довольной улыбкой сунул деньги ему в руки.

Только он сделал пару шагов, как мальчик его окликнул. Он вздрогнул, бумажный сверток упал на землю.

— Ой! — воскликнул он, расстроившись.

Увидев, что это мальчик, он, не до споров, поспешно поднял сверток и отряхнул пыль.

Мальчик, которого проигнорировали, разозлился, но тут ему сунули в руки тот самый сверток:

— По ночам пугаешь людей! На, ешь, чтобы не говорил, что я тебя эксплуатирую и морю голодом.

Аромат еды ударил в нос. Он развернул бумагу и протянул ему:

— Я с трудом достал эту куриную ножку, хотел принести тебе. Раз уж ты здесь, ешь скорее.

У него была патологическая брезгливость, из-за которой за этот месяц они не раз ссорились. Если бы он откусил хоть кусочек, тот бы больше не притронулся к еде. Ножка была всего одна,

и он к ней даже не прикоснулся.

У мальчика пересохло в горле:

— Она всего одна. Если я съем, что будешь есть ты?

— Эта штука такая жирная и маслянистая, я терпеть её не могу! Если бы не твоя слабость, я бы в жизни не купил такую гадость, — он сглотнул слюну, отводя взгляд от курицы.

Мальчик оттолкнул его руку и, не оглядываясь, пошел прочь:

— Я тоже не хочу. Если не нравится, выброси.

Что на этот раз он сделал не так?

Он бросился догонять:

— Эй, эй, Тан Шань, ты все еще злишься из-за дневного? Такой большой, а такой обидчивый!

Мальчик остановился. Он едва не забыл, что тот придумал ему имя Тан Шань. Его настоящее имя — Янь Хэн. Неизвестно, станет ли он так же хорошо к нему относиться, если узнает, что он его обманул.

Янь Хэн остановился и обернулся. Встретившись взглядами, он вдруг заметил, что глаза того были такими чистыми, как у олененка на охотничьем поле — темные, блестящие, отчего его желтоватое личико казалось светлее.

— Эй, — позвал Янь Хэн, — давай я подарю тебе подарок.

Он забрал бумажный сверток, и в ладонь легла ярко-зеленая нефритовая подвеска. Он остолбенел.

Янь Хэн откусил куриную ножку:

— Не смей продавать! Если разобьешь или потеряешь — голову с плеч сниму.

Он начал радостно подпрыгивать, сжимая подвеску:

— А-а-а, это же целое состояние! Продам, обязательно продам!

Янь Хэн прижал ему рот рукой, с курицей в другой руке потащил его домой.

Позже он еще не раз доставал этот кулон, грозился продать, но так и не решился.

После той трагедии Тун Яньчжи нашел кулон и отдал его Янь Хэну. У него был отколот уголок. Янь Хэн никогда не расставался с ним, снимая только для купания.

Стоило ему вспомнить те дни в Юйчжоу, как рука сама тянулась к кулону. Тун Яньчжи, увидев это, замолчал и, сев со скрещенными ногами, тронул струны цитры. Поплыла задумчивая мелодия.

Янь Хэн поглаживал узор на нефрите. Раньше отколотый край царапал пальцы, но теперь стал гладким и теплым.

Как и те воспоминания, что были глубоко запрятаны в его сердце и никогда не забывались.

Су Сюлюо была занята тем, что выписывала рецепты, и лишь к полудню освободилась. Глянув на дверь, она увидела Ду Ванью с корзинкой в руках. Она поспешила навстречу, открыла корзинку и ахнула: там было все, что она любит!

Золотистое хрустящее мясо, наваристый суп из карася, кисло-острые корни лотоса — всё это дразнило аппетит. Особенно мясо. Су Сюлюо вымыла руки и уже собралась отправить кусочек в рот, как раздался громкий крик:

— Лекарь! Лекарь, скорее сюда! Женщина упала на улице, не знаем, что с ней!

Су Сюлюо, сглотив мясо, пробормотала:

— Да не орите, лекарь здесь. Положите аккуратно, я посмотрю.

На носилках лежала женщина в простой одежде, но с красивым лицом. Даже с грязью на лице она выглядела привлекательно. Су Сюлюо проверила пульс, вколола серебряную иглу, и женщина пришла в себя.

— Сердце перенапряжено от тревоги, истощение, — сказала Су Сюлюо, убирая иглы. — Сама виновата, что упала, а людям пришлось тебя тащить, обед мне сорвала. Десять лямов серебра за услуги, меньше — не уйдешь.

Раздался ропот. Десять лямов — это месячный расход обычной семьи! Мужчины, принесшие её, переглянулись. Они слышали, что лекарь здесь добрая, а выходит, жадная?

Они вывернули карманы, наскребли всего один лям.

— Лекарь, у нас только один лям. Она бедняжка, отпустите её, — попросил старший.

Су Сюлюо даже не взглянула на деньги:

— Десять лямов, ни меньше! Не заплатите — вызову стражу.

Женщина зарыдала:

— Госпожа, не губите! Я отработаю, только не заявляйте в управу, у меня сын Таоцзы пропал, мне в тюрьму никак нельзя!

Мужчины разозлились:

— Что ты её просишь? Пошли, если вызовет стражу — еще неизвестно, кто в тюрьму сядет за такие поборы!

Су Сюлюо покраснела. Ду Ванью спокойно пил чай, не вмешиваясь.

— Хватит! — наконец сказала она. — Ты, женщина, сейчас чувствуешь тяжесть в груди?

Та покачала головой.

— У тебя был застой энергии, нужно было выплеснуть эмоции, — пояснила Су Сюлюо. — Твой крик помог.

Мужчины поняли, что их разыграли. Су Сюлюо уже скалилась на них:

— А вы! Хотели меня в управу тащить? В следующий раз как придете — напою такой горькой дрянью, что мало не покажется! Маленький Лу, дай им чаю и выпроваживай.

Она усадила женщину:

— Пей воду, потом тебя проводят.

Женщина была тронута и схватила Су Сюлюо за руку, осыпая благодарностями. Та, не привыкшая к нежностям, умоляюще посмотрела на Ду Ванью.

— Госпожа, расскажите, что случилось с вашим Таоцзы, — мягко попросил Ду Ванью.

Женщина снова заплакала:

— Сын послушный, не мог убежать. Позавчера послала его за уксусом, не вернулся. Сосед сказал, что видел, как он пошел домой. Искали везде — ни следа! В управу заявили, соседи помогали, муж дома сидит, ждет — и ничего!

Су Сюлюо и Ду Ванью утешили её, а когда пришел её муж, Ду Ванью написал записку: если

будут трудности, пусть идут к Ду Чуаньбо в министерство.

На выходе они столкнулись с мужчиной в пурпурном шелке. Тот нахмурился, а увидев красивую девушку, расплылся в сальной улыбке и протянул руку, чтобы коснуться её лица.

Женщина спряталась за мужа, тот попытался заступиться, но мужчина толкнул его, и бедняга рухнул на землю.

— Связать их! — приказал наглец своим слугам.

— Стоять! — вскричала Су Сюлюо.

Мужчина замер, оглядывая разъяренную красавицу. Её наряд, тонкие черты лица и решительный вид привели его в восторг.

Ду Ванью молча встал перед ней, подав знак слугам увести пару.

Су Сюлюо, не выдержав наглого взгляда, метнула иглу. Тот ловко увернулся.

— О, да ты еще и дерешься? Мне такие нравятся еще больше!

Он бросился на неё, но Су Сюлюо, уклонившись, схватила его за запястье и с силой ударила локтем в спину.

<http://bllate.org/book/21032/2138857>